ДОЧЬ ВОЛКА
Андрей ДЫШЕВ
ЗАВЕЩАНИЕ ВОЛКА

Андрей Михайлович Дышев

Завещание волка

Серия «Дочь волка и Кирилл Вацура»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162505
А. Дышев. Завещание волка: Эксмо;

Аннотация

На своей вилле в приамазонской сельве умирает престарелый наркобарон, чье состояние исчисляется миллиардами долларов. Рядом со стариком весело щебечет очаровательная девочка. Это Клементина, единственная наследница миллиардера. Тучи сгущаются над ними. Вокруг ходят подельники, сверкают алчными глазами. Стая злобных убийц! Наркобарон понимает, что внучка, оставшись одна, не выживет. Сомнут хрупкий цветочек, растопчут, сожрут. На свете есть только один человек, способный ее защитить. Это отец Клементины, бывший десантник Кирилл Вацура, живущий где-то очень далеко, в холодной стране под названием Россия. Сюда его! Немедленно! Доставить любой ценой и в любом виде! Только он спасет свою дочь и окружит ее любовью и заботой! Только он порвет глотки алчной своре, готовой ради наследства наркобарона на все!

Содержание

Глава первая. Колумбия. Верховье реки Инирида 5
Глава вторая. Две недели спустя. Юг России 20
Глава третья. В том же городе. Тренажерный зал спортклуба «Гладиатор» 24
Глава четвертая. Тот же город. Гостиница «Мерилин» 32
Глава пятая. Торговые ряды на рынке 39
Глава шестая. Институт ихтиофауны 46
Глава седьмая. Квартира Кирилла 50
Глава восьмая. Гостиница «Мерилин» 54
Глава девятая. Институт ихтиофауны 58
Глава десятая. Гостиница «Мерилин» 61
Глава одиннадцатая. Рынок. Начало торгового дня 74
Глава двенадцатая. Гостиница «Мерилин». Утро 77
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Андрей Дышев
Завещание волка

Андрей Дышев

* * *

Глава первая. Колумбия. Верховье реки Инирида

Врач затянул манжетку и принялся качать резиновую грушу. Августино Карлос почувствовал, как грубая ткань защемила его тонкую, легкоранимую кожу и поморщился.

– Не надо, – сказал он.

Узколицый, с черной клиновидной бородкой врач качнул головой и послушно стянул манжетку. Затем он поднял с травы провонявший лекарствами чемоданчик, щелкнул замками и замер в позе слуги.

«Нет, это не врач, – подумал Августино. – Он смотрит на меня как официант и ждет, что я ему скажу».

А что мог сказать старый человек, сидящий в инвалидной коляске и чувствующий приближение смерти? Что очень-очень устал? Что его знобит даже в сильную жару? Что он смотрит на суету окружающих его слуг, как на суету муравьев, которые строят свой муравейник на берегу реки и не догадываются о надвигающемся муссонном половодье?

Августино вяло махнул рукой и прикрыл глаза. Он не слышал, как врач удалился. Пора прекращать этот глупый ежедневный моцион. Смерть не остановишь. Смешно делать вид, будто он собирается жить вечно. Это раньше он был уверен, что деньги могут все, что они обладают безграничной

властью и силой.

Он смотрел в прошлое и видел себя суетливым человечком почему-то с короткими ножками и огромным массивным носом. Таких обычно рисуют в мультфильмах. Земной шар – блестящий голубой мячик – медленно плывет в пустоте, а по нему бегает коротышка с большим носом…

Августино открыл глаза и тряхнул головой. Это видение было невыносимо. Он посмотрел на свой роскошный белый особняк, фасад которого проглядывал сквозь ровный строй пальм, и вдруг с отчетливой ясностью понял, что он ему не принадлежит. Ни особняк, ни парк, ни оранжевый с белыми полосами самолет, ни целая армия охранников и обслуживающего персонала ему не принадлежали. Потому что он покидал этот мир, и ничего не мог взять с собой. Мысль эта была настолько мучительной, что Августино тихо застонал и прикусил губу. Перед ним немедленно выросла фигура бронзоволицего слуги с подносом. На подносе стоял стакан с соком.

Вот так. Чувства лучше не проявлять. Эта свора вышколенных слуг реагировала на малейший звук. На их лицах было всегда одно и то же подобострастное выражение. Одна и та же маска. Все вокруг лживо. Они ждут его смерти. У них текут слюни в ожидании огромного пирога.

– Пошел вон, – тихо произнес Августино.

Слуга поклонился, будто высказал благодарность, и торопливо пошел по лужайке, которую окружали овальные, похожие на гигантские зеленые яйца, кусты. Ничего человече-

ского. Робот. Неужели он не испытывает никаких чувств? Неужели ему не хочется грубо ответить: «Когда же ты отдашь Богу душу, старая дряхлая сволочь? Когда же тебя черти окунут в кипящую смолу?»

Звонкий детский смех заставил Августино вскинуть голову и посмотреть на альпийскую горку, ощетинившуюся разнокалиберными кактусами и украшенную декоративным водопадом. По шлифованным камням прыгала пятилетняя Клементина, его единственная внучка и наследница. Она была в желтом бумажном комбинезоне, разрисованном цветами и зайцами. Размахивая битой для гольфа, девочка пыталась огреть надувной шарик, на котором кто-то из нянек нарисовал смешную улыбающуюся физиономию.

Августино почувствовал, как защемило в груди сердце. У него не было слов, которыми бы он мог выразить свою любовь к девочке и всю глубину своей тоски. Он медленно уходил из этого мира, а она оставалась. Оставалась совершенно одна, в окружении жестоких и тупых людей, которые думали, что они вечны на земле, и что деньги могут сделать все. Ее мать Валери погибла несколько лет назад на пароме «Пярну», когда перевозила из Эстонии в Швецию очередную партию кокаина. А отец Клементины…

Августино нахмурился, вялым движением рук поправил на коленях плед. Где сейчас этот бойкий русский парень, который в то знойное лето смог пешком пройти через сельву, миновать несколько эшелонов охраны и ворваться в ка-

бинет Августино? Чудак! Самоубийца! Как говорят русские, совершенно отвязанный человек. «Крэзи» на американском сленге. Августино столько лет враждовал с ним, что успел полюбить его, невзирая на бесконечную разницу между ними. Если бы этот парень был бы сейчас рядом, в числе самых преданных помощников, то Августино ушел бы в мир иной с чистой душой. Этому парню можно было бы отдать Клементину с ее колоссальным состоянием. А всей этой дьявольской фабрикой с плантациями коки и химическими лабораториями пусть давится свита лизоблюдов. Но самое ужасное заключалось в том, что этот парень находился не только на другом конце света…

Шарик плавно опустился на колени Августино. Старик взял его и осторожно приподнял, глядя на нарисованную улыбку. Его глаза повлажнели, а душа размякла, словно тесто. Так с ним случалось всегда, когда он прикасался к игрушкам и всяким другим предметам, согретым руками девочки.

Клементина кинула биту на траву, с размаху шлепнула ладонью по шарику и присела у коляски.

– Гуно, – сказала она, на свой лад сократив его имя. – Почему ты опять грустный?

Она положила голову на колени старика и стала водить пальцем по замысловатому рисунку на пледе. Августино даже дышать перестал. Осторожно, будто боясь спугнуть редкой красоты птицу, он коснулся темных, блестящих на солн-

це волос девочки. Но она уже забыла про дедушку. Она увидела шарик, который увлек за собой легкий ветер, и вспомнила о своей игре.

«Они убьют ее, – подумал он с ужасом, глядя на то, как Клементина гоняет битой по газону шарик. – У меня нет другого выхода. Только он сможет уберечь ее…»

Эта мысль была навязчивой, и не давала ему покоя уже несколько месяцев. Он опустил руки, взялся за гладкие хромированные ободья колес и не без усилий провернул их. С каждым днем ему становилось все тяжелее вращать колеса, и он с покорностью и даже с интересом наблюдал, как быстро покидают его силы. Теперь его вдруг обуял страх. Августино стиснул зубы и надавил на ободья еще с большей силой. Он катился по лужайке, доказывая самому себе, что еще силен, что может передвигаться без посторонней помощи, что смерть не настолько близка, чтобы начать читать отходную молитву.

На его лбу выступили капли пота, сердце едва ли не выпрыгивало из груди, а он все крутил и крутил колеса, заставляя коляску резво катиться к дому. Клементина восприняла это как призыв к игре, оставила шарик и легко догнала коляску.

– Ага! – восторженно крикнула она. – Хочешь наперегонки?!

Она бежала впереди его, танцуя и кружась. Августино видел только ее, и ему казалось, что он отстает, что девочка

неумолимо отдаляется. Тонкие колеса крутились все быстрее, трава шелестела на спицах, старик задыхался…

И тут одно колесо наехало на бордюр дорожки. Коляска подскочила и перевернулась. Августино упал на дорожку.

– Гуно, миленький! – с испугом крикнула Клементина и прижала ладони к щекам.

К нему уже бежали со всех сторон. Августино сделал попытку приподняться, но перед глазами все плыло и заливалось матовой пеленой.

Двое охранников, которые подбежали первыми, подняли легкого, почти невесомого Августино и посадили на коляску.

– Дедушка… – тихо поскуливала Клементина.

Ему было очень жалко ее. Он смотрел на ее слезы и качал головой. Он ненавидел себя за то, что невольно заставил внучку плакать. Врач уже бежал по газону вместе со своим чемоданчиком. Подлетев к Августино, он кинул на траву чемоданчик, открыл его и стал торопливо подворачивать рукава рубашки.

– Всем отойти! – крикнул он. – Положите его на траву и отойдите!

Он не разобрался, в чем была причина переполоха. Он решил, что Августино умирает, и мобилизовал все свое лицемерие, на какое только был способен.

– Ничего не надо, – тихо ответил Августино и протянул руки к Клементине. Девочка, напуганная суетой взрослых, всхлипывала и несмело приблизилась к старику.

– Уйдите все. И позовите ко мне Мэнгри, – добавил Августино.

Сорокалетний негр Мэнгри, уволенный несколько лет назад из ВМС США за аморальную связь с подростком, руководил личной охраной Августино. Ожидая, пока он подойдет, старик взял Клементину за руку и посмотрел в ее необыкновенные для колумбийцев голубые глаза.

– Ты помнишь, я рассказывал тебе про твоего отца? – спросил он.

– Помню, – кивнула девочка и пальцами изобразила человечка, который шел по костлявой руке Августино. – Он храбрый и красивый. А волосы у него светлые, как у янки. Зато глаза мои! И живет он где-то далеко-далеко…

– Ты правда помнишь его лицо?

– Правда, Гуно. Я даже с закрытыми глазами его помню.

Фотография русского парня хранилась в большой книге сказок Андерсена, которую девочке по вечерам читала гувернантка из Лондона.

Августино почувствовал, как у него вдруг онемел язык. Маленький человечек, созданный пальчиками девочки, дошел до локтя Гуно и стал возвращаться обратно. Как спросить? А вдруг она не захочет с ним встречаться? Вдруг она испугается его?

– Гуно, какие у тебя волосатые руки! И мой человечек заблудился в сельве. Он не может пробиться через мангровые заросли…

«Господи! – подумал Августино. – Не дай этому ангелу узнать, сколько крови на этих руках и сколько денег через них прошло».

– Скажи, Клементина, – произнес Августино, убирая руки под плед. – А ты хотела бы увидеть своего отца?

– Хотела бы… – шепотом ответила девочка. Но она думала о другом. На обод колеса села перламутровая брассолида. – Бабочка! Замри!.. Ну что ты все время дрожишь! Ты ее испугал!

Августино отпустил Клементину. Девочка, уподобляясь бабочке, стала бегать по лужайке, кружась и размахивая руками. Кто для нее отец? Почти что сказочный герой из книжки Андерсена, «храбрый и красивый». Поняла ли Клементина, что Августино спрашивал серьезно?

Подошел Мэнгри. В сравнении с бледным и немощным Августино негр казался свирепым чудовищем. Походка его была танцующей, тело плавало, как у угря, выброшенного на песок – начальник охраны никогда не вытаскивал из ушей крохотные динамики и не выключал поясной плеер. Челюсть его безостановочно двигалась, белые зубы энергично месили жвачку.

– Слушаю, шеф, – сказал Мэнгри.

Августино минуту пристально смотрел на подвижные, словно ускользающие белки глаз. Эта бездумная груда мышц станет главным молохом, когда начнется драка за власть. У Мэнгри, как у крокодила, напрочь отсутствовал рефлекс

доброты. Если его хорошо кормить, он будет исправно убивать всех, кто не в состоянии кормить его еще лучше. Это была похожая на человека машина, запрограммированная на убийство. Когда-то Августино считал его одним из самых своих преданных людей.

– Скажи, Мэнгри, – произнес Августино. – Ты помнишь, как четыре года назад на виллу удалось пробраться одному ненормальному русскому?

– Я слышал об этой истории, шеф, – тотчас ответил Мэнгри. – К сожалению, в то время я был в Боготе, вербовал людей. Иначе он бы не пробрался.

– Ты можешь выяснить, кто из охранников дежурил тогда у моих дверей?

Мэнгри думал, танцуя.

– Его уже давно нет в охране, шеф. По-моему, он сейчас работает на плантациях.

– Найди его и приведи ко мне.

Мэнгри показал белые зубы и чавкнул.

– Если вы хотите его наказать, то лучше поручите это мне, – сказал он и опустил руку на револьвер, торчащий из поясной кобуры.

«Не припомню, чтобы когда-либо раньше Мэнгри давал мне советы» – подумал Августино, закрывая глаза ладонью, будто погружаясь в дремоту. Он услышал, как начальник охраны повернулся и, задев кустарник, неровным шагом пошел по дорожке.

Никто не должен был знать, что он задумал. Никто. Такова будет последняя воля Седого Волка, как называли его местные индейцы и золотоискатели.

К вечеру дневная жара спала, а воздух стал тягучим и влажным, как в бане. Но Августино любил это время суток больше всего. Ему было комфортно и дышалось легко. Узкоглазый массажист старательно разминал все еще упругие мышцы Августино, обильно смазывая свои ладони кремом. Августино лежал на топчане под сетчатым навесом с закрытыми глазами и чувствовал, как тело медленно оживает под руками китайца, как вконец обленившаяся жизнь радостно струится под кожей, подобно ручьям после ливня.

Гувернантка гуляла с Клементиной где-то неподалеку, и до слуха Августино временами доносился звонкий голос девочки. «Если бы я чаще слушал детский смех, – подумал Августино, – может быть, моя жизнь сложилась бы по-другому».

Он уже не сомневался в правильности своего решения. Но если бы год назад кто-нибудь стал убеждать Августино в необходимости вернуть девочку отцу, Августино только бы рассмеялся. Отдать свою единственную наследницу русскому авантюристу, помешанному на борьбе с наркотиками? Да лучше позволить удочерить Клементину брату Мэнгри, чернокожему пилоту Раю, который уже полгода добивается этого!

Китаец тонкой струйкой вылил ароматное масло на спину

Августино. Старику стало щекотно, и он повел лопатками. «Во-первых, он ее отец, – думал он, будто мысленно убеждал кого-то. – А во-вторых…»

Именно это «во-вторых» было тайной Августино. Он оставлял Клементине баснословное состояние. Колоссальные суммы были легализованы на продаже каучука и кофе и лежали на счетах в европейских банках. Сотни миллионов долларов были завещаны Клементине и ее отцу.

Крепкие пальцы массажиста пробежались по позвоночнику. Августино почувствовал боль и локтем оттолкнул от себя китайца. Никому нельзя верить. Что на уме у этого человека с вечной улыбкой на лице? А вдруг он так же легко и виртуозно станет массировать шею Августино и неожиданно сожмет свои сильные пальцы?

Китаец помог одеть Августино белую льняную рубашку и усадил его в коляску. Вот так, теперь намного спокойнее. В коляске Августино чувствовал себя так, как раньше в бронированном автомобиле с «кольтом» в руке. Ему надо быть очень осторожным. И поменьше доверять персоналу. Кто принимал на работу этого китайца? Кто его проверял? А какие у него рекомендации?

Августино увидел Мэнгри. Начальник охраны, раскачивая из стороны в сторону плечами, шел по красной дорожке, змейкой вьющейся между клумб. За ним, припадая на левую ногу, торопился коренастый крепыш в черной майке без рукавов, покрытой белыми солевыми разводами. В его слегка

сутулой фигуре еще можно было угадать недюжинную силу, но огрубевшее лицо выдавало чрезмерное пристрастие к алкоголю. Черные длинные волосы были схвачены на затылке легкомысленным красным шнурком. Привыкший к тяжелой работе в зарослях коки, он чувствовал себя неуютно на постриженном газоне среди клумб и кустов, и потому старался не отставать от негра. Тем не менее, ни страха, ни подобострастия на его лице не было.

– Вот он, – сказал Мэнгри, остановившись перед коляской Августино, и подтолкнул хромого в спину.

– Что у тебя с ногой? – спросил Августино.

– Разрывная пуля, – улыбнувшись, ответил хромой. – Пятку оторвало к чертям собачим. Кость стала на дюйм короче. Но это мне не мешает ходить и бегать.

– Как тебя зовут?

– Линчо, хозяин.

– Ты помнишь русского, который прорвался ко мне в кабинет?

Линчо скривил лицо, насупил брови и потеребил косичку.

– Помню, хозяин. Он мне тогда еще зубы прикладом выбил.

И в подтверждение своих слов он оттянул нижнюю губу и приоткрыл рот.

– Ты смог бы его опознать?

– Конечно, хозяин! – заверил Линчо и посмотрел по сторонам, полагая, что сейчас откуда-то из-за кустов появится

русский, который когда-то выбил ему зубы.

Августино рассматривал блестящее от пота коричневое лицо Линчо. Конечно, он производит впечатление легкомысленного оболтуса, для которого существуют лишь две неоспоримые ценности: ром и женщины. Зато он добрый. Работа на плантации охлаждает горячие головы. И это хорошо, что охлаждает. Не наломает дров в отличие от Мэнгри.

– Поедете в Россию, – сказал Августино. – И доставите этого русского сюда.

– Живого или мертвого, – сверкнув зубами, добавил Мэнгри.

Августино кинул на него жесткий взгляд. Волна ненависти накатила на сердце, и старик почувствовал, что ему не хватает воздуха. Этот трупоел опять позволяет себе словоблудие! Его надо отогнать от виллы, как пчелу от стакана с ликером. Он здесь слишком опасен.

– Живого! – произнес Августино. – Жи-во-го! И чтобы ни один волосок не упал с его головы!

Какой странный и неприятный взгляд у Мэнгри! Кажется, что на его лице черная маска, и сквозь прорези белеют жестокие глаза. Как пытливо он смотрел на Августино, словно пытался прочесть его мысли. А эта вечная насмешка на его полных фиолетовых губах! Нет, он не может догадываться. Ни одна живая душа не посвящена в замыслы Августино.

– Ясно, хозяин, – ответил Мэнгри. Он поднимался с пяток на носки, сгибал поочередно колени, рисовал руками круги

в воздухе. Непрекращающийся идиотский танец. – Ни один волосок…

– Старшим будет он, – сказал Августино, направив кривой палец на Линчо.

Вот теперь Мэнгри забыл про музыку. Он замер, с недоумением глядя на Августино.

– Что?! Вот этот…

– Да! – крикнул Августино и ударил рукой по подлокотнику.

– Ну, хозяин, вы…

– Как сказал, так будет! – снова оборвал его Августино.

По губам Мэнгри пробежала едва заметная усмешка. Он сплюнул под ноги и, повернувшись, пошел напрямик по газону к особняку. Августино некоторое время смотрел ему вслед. Правильно ли он сделал, что нанес такой удар по самолюбию начальника охраны? Как бы то ни было, Августино не привык отказываться от своих слов. Будет так, как он сказал. Мэнгри надо разоружать, отбирая у него власть. И делать это постепенно и постоянно. Иначе, может прийти время, когда будет поздно что-либо предпринимать.

– Я дам тебе много денег, – произнес Августино, опустив голову на грудь. – Тебе помогут надежные люди. И не спускай глаз с Мэнгри. Этот русский мне нужен живым и невредимым.

– Я понял, хозяин, – ответил Линчо.

– Все, иди! – произнес Августино и вяло махнул рукой.

Вспышки гнева всегда отнимали у него много сил. Сейчас, когда его тело было налито свинцовой тяжестью, это было особенно заметно. Августино закрыл глаза. В сознании мельтешили цветные пятна. Он как наяву видел Клементину. Девочка бегала по краю пропасти. Легкий ветер гнал надувной шарик к краю обрыва. Девочка бежала за ним и смеялась… Августино поднес дрожащую руку ко лбу. Все люди одинаковы, как куклы. В голове опилки, в теле тряпки. В двадцать он думает, что будет жить вечно. В тридцать – что у него еще очень много времени, чтобы исправить ошибки молодости. В сорок он воспринимает себя гранитным монолитом, который никому не сломать и не скинуть с пьедестала. А потом он просто закрывает глаза, чтобы не портить настроение очевидным. И лишь к старости начинает думать о Боге и ужасаться, каким глупым был, и что вся жизнь – одна большая ошибка… Но у него еще есть время! Он сделает то, что задумал. У него хватит на это и сил, и воли. И сил, и воли…

Августино дернулся, словно хотел разорвать бумажную обертку, в которую его завернули, и попытался встать с коляски… Он может! Он еще на многое способен!

Глава вторая. Две недели спустя. Юг России

– Пора, – сказал Ваха. – Уже темнеет.

– Это из-за дождя, – ответил Алхаз, вынул из пакета банан и зубами принялся сдирать с него шкурку. – Зачем мокнуть?

По зонтам кафе, в самом деле, струились потоки воды. Раскатисто прогремел гром. Потянуло сыростью и свежестью. Продавщица вышла из-за стойки и включила настольную лампу.

Они уже третий час сидели за крайним столиком пустого кафе, беспрерывно курили, давили окурки остроносыми ботинками и пили чай из мутных стаканов. Красная скатерть была обсыпана пеплом и мелко порванной оберткой от сигарет, но уборщица скучала под зонтом, опершись на швабру, и к ним не подходила. Черная кошка дремала под стулом уборщицы и, щурясь, смотрела, как на асфальте пузырятся тяжелые дождевые капли. Со смехом в кафе забежали две девушки, придерживая на головах продуктовые пакеты. Они были веселы оттого, что попали под дождь. Ваха посмотрел на их загорелые, забрызганные ноги и по привычке позвал:

– Девушки! Де-ву-шки! Шампанского не хотите?

Алхаз знал, что эти приезжие блондинки подойдут к ним только под угрозой смерти, а на шампанское у Вахи нет де-

нег. Аванс, полученный утром, они потратили на газовый пистолет и на справочную, чтобы узнать домашний адрес и место работы Кирилла Вацуры. Тем не менее, Алхаз с деловым видом сплюнул под ноги и строго сказал:

– Сначала дело, а потом отдыхать.

«Дело», которое им предложил хромой иностранец (то ли китаец, то ли монгол), было весьма выгодным. Полгода торговли на рынке принесли бы им намного меньше денег. А тут всего за несколько часов – целое состояние. Иностранец русским совсем не владел. Они встретились на рынке. Он медленно бродил вдоль торговых рядов, где продавали черешню и незрелые абрикосы, и сверкал во все стороны черными стеклами очков. Алхаз предложил ему купить гнилой ананас, а Ваха попытался всучить черные бананы, убеждая, что это особый бразильский сорт. Иностранец товаром не заинтересовался, но, услышав из уст Вахи слово «бразильский», остановился у прилавка и минуту пристально рассматривал лица обоих продавцов. Потом он вынул из нагрудного кармана своей кроваво-красной рубашки бумажник, достал оттуда сто долларов, положил купюру на чашу весов и придавил ее гирькой.

Они сразу догадались, что хромой платит им вовсе не за ананас и «бразильские» бананы. Свалив свой товар в ящик с раздавленными помидорами, в котором ковырялись бомжи, они пошли следом за иностранцем. Хромой, не оглядываясь, быстро пересек рыночную площадь, ловко лавируя меж-

ду старушками, торгующими зеленью, цветами и котятами, зашел в провонявшей застарелой мочой сквер и сел на скамейку. Когда Ваха и Алхаз сели с ним рядом, иностранец вынул из кармана лист бумаги, на котором кривыми печатными буквами было написано: «Я хочу, что Вы закончились ко мне этот человек. Я заплачу к Вам 10 000 доллар».

Ваха не достаточно хорошо знал русский и потому фразу «закончились ко мне этот человек» понял как «прикончили этого человека и труп принесли мне». Сначала в его душе вспыхнули негодование и возмущение, которые затем неожиданно сменились обидой на слишком маленькую сумму.

Ваха передал записку Алхазу. Тот долго читал ее, выпускал на нее дым сигареты и морщил лоб. Потом записку снова читал Ваха и думал о том, что неплохо бы вытянуть у хромого двадцать тысяч баксов, при этом никого не убивать, а принести ему освежеванную тушу барана. Оба продавца встали со скамейки, сели на корточки и стали глубокомысленно плевать себе под ноги. В такой позе они пробыли достаточно долгое время, после чего более смышленый и умудренный жизнью Алхаз сквозь зубы спросил у Вахи:

– Чего он хочет? Ты понял?

– Прикончить кого-то, – предположил Ваха, в очередной раз сплевывая под ноги.

– Дело серьезное, – без энтузиазма произнес Алхаз. – Надо подумать…

Иностранец крутил головой, глядя то на одного, то на другого. Ваха представил себе, как он будет нести чей-то труп по многолюдным улицам, где всегда кишит милиция, и ему стало не по себе. Даже без всякого трупа его раз пять за день останавливал милиционер, проверял документы и заставлял выворачивать карманы.

– Убить кого-то надо, да? – с деловым видом уточнил Алхаз у иностранца, вытряхивая из пачки новую сигарету.

– Уот? – не понял иностранец и подал вперед голову.

– Вот же морда не русская, – вполголоса выругался Алхаз и, схватив себя за горло, сделал страшное лицо и вывалил язык.

Тут до иностранца дошло. Он вскочил со скамейки, посмотрел по сторонам и, склонившись над продавцами, очень выразительно произнес:

– Ноу! Ноу!

– А чего тогда он от нас хочет? – пожал плечами Ваха.

Хромой вытянул из заднего кармана брюк тонкий словарь, полистал, ткнул пальцем в строчку и поднес словарь к глазам Алхаза.

– «А-ли-ве, – по слогам прочитал Алхаз английское слово. – Живой, бодрый». Ты понял? Ему надо, чтобы мы доставили к нему живого и бодрого.

Ваха хлопнул себя по лбу. Теперь и до него дошло, что хотел от них иностранец.

Глава третья. В том же городе. Тренажерный зал спортклуба «Гладиатор»

Лежа на гимнастической скамейке, Кирилл отжимал от груди штангу. Фрол страховал его, едва касаясь грифа ладонями.

– Хватит, – произнес он. – А то пукнешь.

Кирилл сделал страшное лицо, оскалил зубы и с воплем спаривающегося бегемота выжал штангу восьмой раз.

– Знаешь, – сказал Фрол, внимательно рассматривая его лицо, – сейчас ты очень похож на Камиллу де Сераньо, когда она рожала седьмого однояйцевого близнеца.

Кирилл сдался и поставил гриф на стойки.

– Кинь полотенце, – попросил он, садясь на скамейку верхом.

– Похвально, – сказал Фрол, опустив свою мозолистую ладонь ему на плечо. – Но во всем нужно знать меру. В спорте, в водке, в женщинах…

В зале стемнело. По подоконнику застучали капли дождя. Кирилл вытирал полотенцем мокрое лицо и шею и поглядывал на часы. Было уже четверть шестого. Он взял мобильник и стал набирать номер своего офиса. Пальцы от напряжения дрожали, и он пару раз ошибочно набрал не тот номер.

– Скажи честно, – произнес Фрол, растирая в ладонях магнезию. – Ты с женщиной тоже так, как со штангой?

Кириллу ответила секретарша. Он спросил у нее, пришло ли подтверждение на поставку литых дисков и «зимней» резины для «Рено». Затем добавил, что сегодня в офисе больше не появится, и отключил трубку.

Фрол, сделав два подхода к штанге, отдыхал у раскрытой форточки, из которой в зал вливался влажный, пахнущий свежей зеленью воздух. Зал располагался в подвале, и через маленькое квадратное окошко можно было увидеть лишь ближний край тротуара, бордюр и загорелые ноги курортников. Но сейчас, когда лил теплый дождь, на пятачке у фонтана было безлюдно, и ничьи ноги не дополняли пейзаж. Дождевые капли пузырились на асфальте, разглаживая сорванные порывистым ветром листья платана. В лужах отражались темные пики кипарисов и красные зонтики открытого кафе, за столиком которого неподвижно сидели два небритых мужика в черных куртках.

– Цивилизация создает лишь иллюзию комфорта и свободы, – сказал Фрол, задумчиво глядя в окно. – На самом же деле все эти блага делают нас рабами вещей. Без мобильного телефона я чувствую себя по-настоящему свободным… Странные типы. Они уже целый час сидят с одной бутылкой пепси-колы.

Они сделали еще по два подхода к штанге. Майка на груди у Кирилла потемнела от пота. Фрол с наслаждением прило-

жился к бутылке с минералкой. На улице посветлело. Солнце пробилось сквозь матовые тучи, и над мокрым асфальтом заструился пар. В оконном проеме появились ноги. Жизнь на побережье снова забурлила.

– Мне пора, – сказал Фрол. – Искупаюсь и поеду к Таньке. Хочешь со мной? У Таньки подружка – глаз не оторвать!

– Надо еще бицепс нагрузить, – ответил Кирилл, кивнув на гантели. – Три подхода.

Но Кирилл вовсе не собирался потеть под гантелями. Наступил тот редкий вечер в конце рабочей недели, когда ему не хотелось ни шумной компании, ни любовных приключений. Просто приехать домой, вынести на балкон кресло, взять исторический роман и, потягивая пиво, отдыхать от суеты.

– Всему нужно знать меру, – напомнил Фрол, подняв указательный палец.

Фрол ушел, и Кирилл сразу же встал под душ. Не успел он намылить голову, как над входной дверью раздался звонок. В клубе больше никого не было, и Кириллу пришлось выскакивать мокрым, обернувшись полотенцем.

«Наверное, Фрол что-то забыл», – подумал Кирилл, сдвигая в сторону тяжелый засов. Металлическая дверь со скрипом отошла в сторону, и Кирилл увидел невысокого мужчину в черной куртке и чрезмерно широких черных брюках, которые висели на нем как длинная юбка, схваченная между ног.

– Добрый вечер! – сказал мужчина, вытер нос и кивнул. – Я электрик. Жильцы сверху жалуются, что проводкой пахнет. У вас все в порядке?

Электрик, так электрик. Правда, Кирилл его раньше ни разу не видел, но спортивный зал – не секретный объект, куда незнакомым людям вход заказан. Он пожал плечами, обернулся, посмотрел на металлические джунгли тренажеров и потянул носом воздух.

– Вроде, не пахнет…

– Можно посмотреть?

– Ради бога, – кивнул Кирилл и направился в душевую. – Захлопни только, когда уходить будешь.

Он снова встал под тугие струи душа. Они щекотали и массировали его тело. Он двигался, подставляя то грудь, то спину. Потом закрутил вентиль теплой воды. Казалось, его тело пронзили тысячи ледяных иголок. Сердце замерло, дыхание остановилось… Он зажмурил глаза, испытывая настоящий восторг от ощущения чистоты и легкости.

Потом он на ощупь закрыл кран, отжал волосы, запрокинув голову вверх, а когда открыл глаза, то увидел, что «электрик» стоит в дверях и целится ему в грудь газовым пистолетом.

– Ты чего? – спросил Кирилл, еще не в состоянии воспринимать происходящее серьезно. – Помыться хочешь?

– Стоять! – злобно выкрикнул «электрик». – Шевельнешься – убью!

– Стою, – пожал плечами Кирилл. – Полотенце взять можно?

– Подождешь!

Кирилл совсем не испугался этого небритого человека. От него не исходило настоящей угрозы. «Это или розыгрыш, – подумал он, – или какой-то психопат с газовым пистолетом». Грабить спортзал – значит, зарабатывать грыжу и геморрой. А если не грабить, то что еще здесь можно делать с пистолетом?

Мужчина, не опуская пистолета, потянулся к брюкам Кирилла, помял их пальцами, проверяя, есть ли что в карманах. Потом проверил карманы рубашки. Вытащил автомобильные права, посмотрел на фотографию, на фамилию и вернул их на место.

– Можешь одеваться!

– Ты скажи спокойно, что тебе нужно, – сказал Кирилл, садясь на скамейку и вытирая голову полотенцем. – Может, я тебе помогу. Денег хочешь?

– Молчать! – крикнул мужчина и попятился. – Дырку в башке проделаю, понял? Рот закрыть и делать то, что я говорю.

Есть такая категория людей – они могут произносить самые страшные ругательства, и при этом не вызывать страха даже у ребенка. Этот, с пистолетом, принадлежал к их числу. Застегивая пуговицы рубашки, Кирилл пытался отгадать, чего добивается этот тщедушный мужик в стоптанных

туфлях. От денег, вроде, отказался. Проверил права. Хочет угнать машину? Но ему проще было бы взять ключи и, пока Кирилл не одет, бегом на улицу. Точно, больной какой-то!

– Выходим! – срывающимся голосом крикнул мужчина, продолжая пятиться. От пара ему стало жарко. Лицо его вспотело, по лбу, как по оконному стеклу, заструились капли.

Кирилл закинул на спину сумку и пошел к выходу. Можно было только представить, как развеселился бы Фрол, если бы увидел этого налетчика.

Кирилл погасил свет, вышел из зала и стал подниматься по лестнице.

– Дверь за собой захлопни, – напомнил он.

– Заткнись! – отозвался из – за спины «электрик», но просьбу все-таки выполнил.

Они поднимались по лестнице. «Тут ему ребра переломать или еще немного подождать?» – думал Кирилл.

– Слушай меня! – негромко сказал «электрик». – Как только выйдем на улицу, сразу свернешь налево и пойдешь вниз по улице. Не останавливайся и не оглядывайся. Дернешься – стреляю без предупреждения!

Кирилл пытался вспомнить, что находится слева по улице. Кажется, какой-то тупик, где вечно пахнет столовой. Ну, да, там двор ресторана, обитель беспризорных котов и крыс. Еще ниже – забор, за ним сквер. Место достаточно глухое. Но, во всяком случае, не глуше, чем пустой спортзал, распо-

ложенный в подвальном помещении. Если этот «электрик» психически больной и желает насладиться стрельбой по мускулистому мужчине, то это проще было бы сделать в спортзале.

Они вышли из подъезда. Кирилл на мгновение остановился, посмотрел по сторонам. Переулок был пуст. Напротив стоял его джип. Из подворотни, которая вела в ресторанный двор, торчал грязно-желтый передок «жигуля».

– Идем к «жигулю», – тихо сказал «электрик».

Так он хочет посадить Кирилла в машину! Завизжал стартер. «Жигуль» завелся, тронулся с места и, вырулив на дорогу, медленно поехал навстречу. Кирилл перекинул лямку сумки на другое плечо, освободив правую руку. Конечно, это тип может выстрелить. Но чем ближе машина, тем больше внимания он будет сосредотачивать на ней. Значит, как только она поравняется…

«Жигуль» медленно приближался. Сквозь грязные стекла трудно было рассмотреть лицо водителя. Номер будто нарочно заляпан грязью. Капот поцарапан, словно его обрабатывали рубанком. На крыше – ржавый багажник с обрывками веревок… Водитель на ходу распахнул обе боковые двери. Машина стала похожа на распустившую плавники большую старую рыбу.

– Сейчас ты сядешь на заднее сидение, – сказал «электрик».

Расстояние быстро сокращалось. «Жигуль» принял пра-

вее, едва не касаясь колесами бордюра. Кирилл остановился. Машина зашелестела тормозами. Теперь лицо водителя хорошо видно. Такой же небритый. Черные жесткие волосы. На висках – седина.

– Садись! – крикнул «электрик».

Кирилл круто развернулся, вкладывая в кулак свой вес. Удар пришелся в щетинистый подбородок. Взмахнув руками, «электрик» спиной повалился на переднее сидение. Еще удар ногой по двери! Она бы захлопнулась, если бы не ноги «электрика». Тот взвыл от боли и подтянул к себе колени. Водитель, спасая своего сообщника от третьего удара, надавил на педаль газа. Мотор взревел, и машина, хлопая обеими дверями, помчалась вверх по улице.

«Знать бы, что все это значило», – подумал Кирилл, провожая взглядом удаляющийся «жигуль».

Глава четвертая. Тот же город. Гостиница «Мерилин»

– Когда мы вернемся, я сделаю из тебя отбивную, – вяло пригрозил Мэнгри.

Линчо шумно отхлебывал из чашки кофе и делал вид, что не слышит Мэнгри. Этого верзилу лучше не выводить из себя. В номере, где они поселились, Мэнгри уже сломал стул, швырнув его в стену. Пришлось заплатить. Конечно, двадцать долларов – это мелочь в сравнении с той суммой, которую Августино Карлос выдал Линчо с кредитной карточкой. И все же впредь не стоит допускать непредвиденные расходы. Кто знает, сколько им придется тут торчать. Самые крупные расходы еще впереди, а деньги тают, как лед в бокале.

– Нет, – возразил сам себе Мэнгри, наматывая на черный палец соломинку от коктейля. – Я оторву тебе голову и брошу ее беспризорным мальчишкам, чтобы они поиграли ею в футбол. А тело скормлю кайманам.

Кофе в чашке давно кончилось, но Линчо продолжал делать вид, что все еще пьет. Он будто хотел спрятаться за чашкой. От ошибок никто не застрахован. Но Мэнгри бесится оттого, что Августино назначил старшим Линчо, а не его. Какой позор для начальника охраны – подчиняться рабочему с

плантации. Но если сам Августино доверяет Линчо больше, чем начальнику охраны, значит, Линчо – личность! Линчо – супермен!

– Они привезут его завтра, – сказал Линчо, но не слишком убедительно.

– Они должны были привезти его вчера! – рявкнул Мэнгри. – Ты остолоп и тупица, и доверился таким же остолопам и тупицам!

Вчера в обусловленное время Линчо встретился с двумя торговцами. Как только он увидел лицо одного из них, то все понял и без слов. Они попросили еще два дня и еще пятьсот долларов на непредвиденные расходы. С первого раза не справились. А Линчо был уверен, что в России людей крадут на каждом углу, и те, кто торгует на рынке, могут сделать это с той же легкостью, с какой сплавить покупателю гнилые бананы. Ничего страшного. С первого раза не получилось – получится со второго. Время еще терпит.

Линчо, наконец, опустил чашку. Мэнгри выдохся и принялся молча раскуривать сигару. Он тоже хорош. Они приехали в Россию под видом представителей «Гринпис», занимающихся проблемами выживания морских животных, занесенных в Красную книгу. А что такое «Гринпис»? Экология, а значит – чистота. Об этом следовало помнить каждую минуту. А вчера вечером Мэнгри заказал ужин в номер, сел на балконе, выпил шесть бутылок пива, обглодал две курицы, завернул объедки вместе с тарелками в ска-

терть и вышвырнул с балкона. К несчастью, под балконом оказался дворник, который поливал газон. Мешок свалился ему на голову, комбинезон выпачкался в жгучем кетчупе. Дворник поднял скандал. Пришлось дать ему денег, чтобы уладить конфликт. Дальше – хуже. На теннисной площадке Мэнгри прицепился к двум юношам. Те обозвали его каким-то странным словом, похожим на распространенное испанское имя, но этого слова не оказалось даже в электронном словаре. Мэнгри, полагая, что юноши пошли на контакт, возразил, что его зовут вовсе не Педро, но те вдруг пригрозили полицией. Линчо, который боялся полиции на генетическом уровне, схватил Мэнгри за руку и уволок его в номер.

Сейчас Мэнгри был трезвым и злым. Он пытался взять реванш, поставить Линчо на свое место. Но Линчо – старый солдат. Ему приказали, и он вторую ногу позволит укоротить, а приказ выполнит. Почти всю жизнь он проработал в сельве. Сначала служил в правительственной армии, выжигал лес и охотился на наркоделов. Потом перешел на другую сторону баррикады и стал служить у Августино Карлоса. На первых порах в личной охране, а как покалечился – перешел на плантации. Думал, что так и умрет под зарослями коки с мачете в руке. Но пути Господни неисповедимы. Августино поручил ему особо важное задание и приставил к нему Мэнгри. Такой шанс случается раз в жизни, и теперь Линчо должен из кожи вон вылезть, но задание выполнить.

– Ребята, привет!

Линчо вздрогнул и поднял голову. Он все еще никак не мог привыкнуть к тому, что здесь, в России, кто-то еще, кроме Мэнгри, может говорить по-испански, причем с прекрасным колумбийским акцентом. У стола стояла переводчица и гидесса Юля, которую они наняли в адлерском аэропорту в агентстве «Альфатур». Высокая, спортивная, пронзительная блондинка, затянутая в лазурный джинсовый костюм, она при каждом появлении временно лишала Линчо дара речи. Мэнгри, в отличие от компаньона, оставался равнодушен к девушке и даже немного тяготился ее обществом, нейтрализуя эмоции Линчо.

– Все в порядке, – сказала Юля, снимая с плеч маленький рюкзачок и опуская его на стол. – Я связалась с институтом ихтиофауны, и мне пообещали выловить для вас двух годовалых самочек. Осталось только получить разрешение на вывоз в представительстве Союза охраны природы… Я ужасно хочу ледяного пива!

Она отошла к стойке. Мэнгри, посасывая сигару, буркнул, едва пошевелив губами:

– Рот закрой! Она уже договорилась о самочках, причем годовалых. Скажи ей, что нам это не подходит.

– Какая разница? – спросил Линчо, выворачивая шею. Со спины Юля была не менее обворожительна.

– А такая, идиот, – ответил Мэнгри, продолжая окутывать себя дымом, и попытался ударить ногой по ноге Линчо. Он промахнулся и попал по столу. Звякнули бокалы. Юля обер-

нулась и помахала своим подопечным рукой. – Годовалые слишком маленькие в длину, – продолжал цедить сквозь зубы Мэнгри. – К тому же, это самочки. А наш клиент – самец!

Линчо не видел никаких проблем в том, что ихтиологи выловят самочек. Мэнгри просто хочет казаться умным. Он по случаю и без случая внушает Линчо, что тот полный кретин. Должно быть, он спит и видит, как Линчо заваливает все дело.

Юля вернулась, поставила запотевший бокал с пивом на стол и села рядом с Мэнгри.

– Значит, так, – сказала она, раскрывая записную книжку. – В институт надо заплатить две тысячи долларов в качестве аванса…

Линчо понял, что не может сосредоточиться. Он смотрел на профиль девушки и судорожно сглатывал. Так нельзя. Он должен взять себя в руки. Мэнгри только ждет, что Линчо допустит какую-нибудь ошибку. Подумаешь, смазливая девчонка. Если сравнить ее с амазонками, то Юля слишком худенькая, а ее кожа чрезвычайно бледная.

– Кроме того, – продолжала Юля, очерчивая что-то в записной книжке, – этот же институт предлагает услуги по перевозке животных. Они фрахтуют самолет со специальным салоном и ванной. Но о самолете надо позаботиться уже сейчас.

Девушка вопросительно посмотрела на Мэнгри. Она вполне обоснованно считала негра главным. Мэнгри усмех-

нулся, пожал плечами, словно был глухонемым и ничего не понимал, и кивнул на Линчо.

– Аллё, сэр! – весело произнесла Юля и постучала карандашом по руке индейца.

Линчо вздрогнул, словно проснулся. Глаза его приобрели осмысленное выражение.

– Если вы собираетесь вылетать девятого, то самолет надо заказывать уже сейчас, – повторила Юля и снова склонилась над записной книжкой. – Тридцать тысяч долларов. Я выяснила, где можно обналичить деньги с вашей кредитной карточки…

– Нет, – покрутил головой Линчо, отгоняя навязчивые мысли о Юле. – До девятого мы не успеем его выловить.

Мэнгри поперхнулся сигарой. Юля с недоумением посмотрела на Линчо и закрыла записную книжку.

– Кого – его?

– В самом деле, – язвительно усмехаясь, произнес Мэнгри. – Кого ты имел ввиду?

Линчо почувствовал, как заполыхало его лицо. Был бы он таким же белым, как Юля – неминуемо покраснел бы. Надо же, проговорился! Как назло, Юля прекрасно владела испанским, и ей не скажешь, что она неправильно поняла его слова.

– Я хотел сказать, – произнес Линчо, прилепляя на лоб салфетку, – что они не успеют выловить дельфинов. А не поесть ли нам мороженого? Я все никак не привыкну к вашей

жаре.

– Сегодня всего двадцать два, – сказала Юля. – Разве в Колумбии прохладнее?

– Прохладнее, – мрачным голосом ответил Мэнгри. – Всего сорок в тени.

Юля рассмеялась. Эти чудаковатые мужики из «Гринпис» ей нравились.

Глава пятая. Торговые ряды на рынке

Алхаз с опаской держал в руке маленький аэрозольный баллончик, очень похожий на дезодорант. Он внимательно рассматривал его со всех сторон.

– А точно сработает?

– Голову на отсечение даю, – небрежно ответил седой грузный мужчина, вытирая платком высокие залысины. – Не понравится – вернешь, я отдам деньги.

Они сидели в закрытом наглухо фургоне, наполовину заставленном ящиками с помидорами. Свет проникал через маленькое мутное окошко. Было очень душно. Раскаленный на солнце фургон напоминал большую микроволновую печь.

– Если не понравится, то будет уже поздно, – с сомнением произнес Алхаз и, надеясь на поддержку, посмотрел на Ваху. Тот, прижимая платок к глазу, пожал плечами.

– Главное, подойти поближе. И струю прямо в нос. Быка свалит, – заверял седой.

– Нам как раз на быка и надо, – ответил Алхаз и попытался сбросить цену: – Много просишь.

Хозяин баллончика прервал:

– За эту штуку я десять лет тюрьмы получить могу, – сходу придумал он. – Бери, пока я не передумал.

– А почему здесь ничего не написано? – придирался Алхаз.

– Слушай, – поморщился толстяк, – какие ты надписи хочешь? Что это очень удобно использовать для похищения людей?

– Тише! Тише! – в один голос зашипели Алхаз и Ваха и замахали на толстяка руками. Толстяк пожал плечами, взял из ящика помидор, поплевал на него, вытер о рукав и надкусил. Сок брызнул во все стороны.

– Ирландские террористы производят, – сказал он со знанием дела, прикрыв глаза мохнатыми ресницами. – На секретной фабрике в Лондоне. Новейшая технология. Сто долларов – это, можно сказать, бесплатно. Подарок.

Алхаз махнул рукой и полез за деньгами.

Спустя час у элитного дома на набережной остановился старый военный «уаз», на борту которого свежей краской был нарисован красный крест. Из машины вышли Алхаз и Ваха в темных очках. Оба были в белых халатах и белых шапочках. Обойдя машину, они открыли задние створки, выволокли оттуда носилки и решительно направились к двери подъезда.

Залитый горячим солнцем двор, еще минуту назад наполненный детскими голосами, онемел. Две старушки, сидящие на скамейке у подъезда, молча перекрестились. Ваха почувствовал, что у него начинают дрожать колени. Капли пота, стекая из-под шапочки на лоб, принялись заползать на стек-

ла очков. Вахе хотелось включить «дворники». Белая фигура Алхаза двоилась и плыла.

Они зашли в прохладный подъезд, но путь им преградила вторая дверь, запертая на домофон. Не успел Алхаз прикоснуться к ручке, как из маленького зарешеченного окошка раздался грозный старушечий голос:

– Кто такие?

– Скорая помощь, – ответил Алхаз.

Щелкнул электрический замок, дверь открылась. Ваха подумал, что если бы он не держался за носилки, то вряд ли нашел бы в себе силы переступить порог. Они зашли в холл, украшенный цветами и ковровыми дорожками. Крепкая старушка с фиолетовыми волосами, облаченная в спортивный костюм и кроссовки, тотчас встала на их пути.

– Стоять! – приказала она, подбоченив руки. – Какая квартира?

– Сто девяносто девять, – ответил Алхаз.

От такого властного голоса Вахе захотелось поднять руки. Какая страшная бабушка! А как пристально она вглядывается в лица! Не глаза, а лазеры.

– А что случилось? – допытывалась консьержка.

– Человеку плохо стало.

– А почему вы в очках?

– Офтальмологи, – объяснил Алхаз и потянул за собой Ваху.

Ваха подошел к лифту на ватных ногах. Он чувствовал

взгляд свирепой бабушки на своей спине. Ему казалось, что ему под лопатку вонзилась раскаленная вилка для гриля. «Совсем нервы плохие стали», – подумал он. Конечно, они запросили очень мало денег у иностранца. За десять тысяч баксов можно похитить бомжа. В крайнем случае – какого-нибудь дохлого правозащитника. А такой бычара, пахнущий крепким потом, тянет как минимум на тридцатник. Еще чего доброго он сам их похитит и станет требовать выкуп у директора рынка.

Раскрылись створки лифта. Торопясь и толкаясь, они зашли в кабину, прислонили носилки к стене и, когда поехали вверх, с облегчением вздохнули.

– Что-то у меня на сердце нехорошо, – признался Ваха.

Алхаз, желая ободрить, стукнул Ваху в плечо.

– Что ты, в самом деле! – Он вынул из кармана баллончик и потряс его. – Представь себе, что ты ирландский террорист.

Лифт остановился, створки раскрылись. Десятый этаж. Пустая площадка с кафельным полом. Неприятно гудят лампы дневного света. Ваха почему-то был уверен, что в тюрьме именно так гудят лампы.

Они вышли. Алхаз прислонил носилки к стене, посмотрел на Ваху и поправил на его голове белую шапочку.

– Стой здесь, – шепнул он и медленно зашел за угол. Вот сто девяносто девятая квартира. Дверь обита дорогой кожей, позолоченная ручка сверкает, как солнце. Электрощиток без замка. Это хорошо. Можно сказать, полдела сделано. Алхаз

приблизился к щитку, открыл железную дверку и отключил рубильник, подающий электричество в квартиру. Через секунду он уже был у двери лифта.

Они замерли, ожидая, когда хозяин квартиры откроет дверь и подойдет к щитку. Алхаз крепко сжимал в руке баллончик. Ладонь его вспотела, и баллончик все время норовил выскользнуть. Ваха прислонился к стене, снял очки и сунул их в карман.

– Может, его нет дома? – с надеждой спросил Ваха, на что Алхаз сунул ему под нос кулак.

И тотчас они услышали, как клацнул замок в двери. Алхаз приподнял руку с баллончиком и застыл. Послышались шаги. Затем гулко, как барабан, загремела дверца электрощитка. Щелкнул рубильник. Для Алхаза это была команда к действию. Он быстро вышел из-за угла, вытянув руку с баллончиком вперед, словно это был пистолет. Кирилл в банном халате и тапочках, с помятым от сна лицом стоял перед щитком, с удивлением глядя на «офтальмолога». Раздалось шипение. Мощная струя с сильным запахом хвои вырвалась из сопла. Алхаз смело шел вперед, твердо убежденный в том, что Вацура вот-вот рухнет на пол. Но объект похищения лишь слегка отвернул лицо в сторону. Памятуя о необходимости брызнуть ирландским препаратом прямо в нос, Алхаз приблизился к Кириллу едва ли не вплотную.

Странно: запахом хвои уже провоняла вся лестничная площадка, словно события разворачивались где-нибудь в си-

бирской тайге; ароматная струя уже начала слабеть, а Вацура все еще держался на ногах. Мало того, он не позволил Алхазу пустить струю себе в ноздри, и легким ударом выбил баллончик из его руки. После чего Алхаз испытал самые острые и неприятные ощущения своей жизни. Мощный удар кулака отбросил его к противоположной стене. С опозданием поняв, что продавец террористического оружия подсунул ему обыкновенный хвойный дезодорант, Алхаз попытался укрыться в кабине лифта, но как назло налетел на носилки. Падая вместе с ними, он почувствовал унизительный удар ногой по ягодицам. Ваха уже ломал двери лифта, пытаясь броситься в шахту и покончить с собой. Двери не открывались, и он принялся биться в них головой.

– Ребята, – сказал Вацура, затягивая пояс халата потуже. – Что-то я вас не понимаю. Зачем вы это делаете?

Он приближался, и в его движениях не было никакой агрессии. Тем не менее, как только створки лифта раскрылись, Ваха ввалился в кабину. Алхазу кинулся за ним следом, но снова задел носилки и полетел в кабину головой вперед. Створки закрылись. Загудел мотор.

– Сволочь, – тихо прошептал Алхаз, вытирая кровь с разбитых губ. – «Голову на отсечение»! Сто долларов отдал!

Ваха молчал. Глаза его были наполнены ужасом. Он стянул с головы шапочку и вытер ею лицо.

– Говорил тебе, – произнес он, – к ваххабитам идти надо.

– Я жить хочу, – очень просто и сердечно ответил Алхаз.

– Тогда, может, ну его на фиг? – осторожно предложил Ваха.

Алхаз сплюнул под ноги тягучей кровавой слюной и пробормотал:

– Скажем этому монголу, пусть двадцать тысяч выкладывает.

– А лучше тридцать. Если откажется – нам лучше.

Они вышли из лифта и, глядя под ноги, торопливо прошли через холл.

– Ну? – крикнула им вдогон фиолетовая старушка, не поленившись выйти из своей будки. – Как здоровье пациента?

– Ложный вызов, – не оборачиваясь, ответил Алхаз.

Глава шестая. Институт ихтиофауны

Уже стемнело, и вода казалась черной, словно смола. Сунув волосатые руки в карманы белых брюк, Линчо вышагивал по резиновому коврику, который словно рамка, обрамлял бассейн. Его душу разрывало двоякое чувство. С одной стороны, он чувствовал себя руководителем важного дела, ощущал приятный груз ответственности и был убежден, что последнее слово останется за ним. Но с другой стороны, он никак не мог набраться храбрости и сказать Мэнгри о новой неудаче, которая постигла торгашей.

Как было обусловлено, Линчо позвонил похитителям в седьмом часу вечера, чтобы договориться о передаче Вацуры. Но то, что он услышал, повергло его в уныние. Сначала из трубки раздавалось невнятное чавканье, причмокивание, а затем чей-то пьяный голос с ужасным акцентом произнес:

– Мы все сделаем зэ дэй афтер томорров. Понял? Зэ дэй афтер томорров[1]. Врубился, чурка нерусская? Но снова нужны бабки. Мани, мани давай…

Потом из трубки донесся звон стаканов, что-то упало, и послышалась непереводимая ругань. Линчо загрустил, хотя перед Мэнгри старался делать вид, что все идет по плану.

---

[1] На ломаном английском – послезавтра.

Что ему оставалось делать? Искать новых похитителей? А была ли гарантия, что новые окажутся лучше прежних?

Юля, которой была поручена организация перевозки дельфинов, не в пример похитителям оказалась добросовестной и неутомимой. Источая жизнелюбие и оптимизм, что лишало Линчо рассудка, она с легкостью преодолевала встающие перед ней проблемы. Опережая графики, она получила у руководства института пропуска и повела Линчо и Мэнгри выбирать понравившиеся особи.

Мэнгри демонстрировал свою безучастность и с видом дегустатора потягивал местное пиво, в то время как Линчо придирчиво смотрел на аспидную поверхность воды. Время от времени бассейн словно вставал на дыбы, вода взрывалась фонтаном, и к темнеющему небу устремлялась живая торпеда. Блеснув в свете заходящего солнца черной, будто лакированной кожей, дельфин поворачивался в воздухе и с шумом падал в воду.

«Почему Мэнгри ни о чем меня не спрашивает?» – думал Линчо, глядя на свои мокрые брюки.

– Прекрасный экземпляр, – ненавязчиво рекламировал товар грустный бородатый ихтиолог, облаченный в резиновый комбинезон.

Выставив кривую ногу вперед, Линчо в задумчивости чесал щетину, потом теребил шнурок на косичке и, скривив лицо, отрицательно качал головой.

– Какой-то он… кривобокий.

– А мне кажется, что очень даже стройный, – возразила Юля. – Ой, смотрите! А вот еще! Ка-а-акой красавец!

Из воды в небо опять взмывал дельфин, сделал сальто, словно позируя, и снова окатил водой Линчо.

Мэнгри все чаще поглядывал на ихтиолога. Жуя соленые орешки, он склонял голову то влево, то вправо, оценивая тонкий силуэт его фигуры.

– Нам нужно, чтобы, во-первых, он был спокойным, – высказал неожиданное требование Линчо, снимая с себя мокрую насквозь рубаху и выжимая ее.

– Спокойный – это еще не признак хорошего здоровья, – перевела Юля слова ихтиолога.

– Очень верная мысль, – попытался поддержать тему Мэнгри, но ихтиолог вдруг прыгнул в воду, несколько раз нырнул и, наконец, появился на поверхности бассейна вместе с дельфином. Ухватившись за плавник, ихтиолог заскользил по воде со скоростью сторожевого катера.

– Как вам этот экземплярчик? – крикнул он.

– По-моему, он слишком буйный, – с сомнением произнес Линчо и как бы невзначай посмотрел на Мэнгри.

– Вот и хорошо, что буйный, – с мягкой настойчивостью произнес Мэнгри. – Зато можно быть уверенным, что не подохнет по дороге. Не будет проблем с эпидемической службой.

«А ведь он прав, черт подери», – подумал Линчо и махнул рукой:

– В загон его!

Ихтиолог выбрался на бордюр бассейна, взял ведро с мелкой рыбой и, подкармливая дельфина, заманил его в мелководный загон, огороженный решеткой.

– Второго выберем завтра, – решил Линчо.

– И полетишь ты, малыш, в далекую Южную Америку, – сказала Юля, присев на корточки у края загона.

Малыш шлепнул мощным хвостом по воде, подняв тучу брызг.

– Как я вам завидую! – мечтательно произнесла Юля, глядя на мокрые брюки Линчо. – У вас удивительная профессия. Вы омолаживаете землю. Вы даете ей дышать. Наверное, для этого нужны огромная воля и терпение?

– В общем, да, – не совсем уверенно ответил Линчо.

– Мы заберем его сегодня, как стемнеет, – сказал Мэнгри ихтиологу.

– Сегодня? – попытался возразить Линчо. Он хотел немедленно признаться Мэнгри, что клиент до сих пор не пойман, и потому необходимости в дельфине еще нет, но никто уже не ждал от него слов. Мэнгри вместе с ихтиологом поднимался по ступеням к административному корпусу, а Юля пристроилась где-то между ними, помогая мужчинам преодолеть языковый барьер.

Глава седьмая. Квартира Кирилла

Кирилл сидел в плетеном кресле на широкой лоджии, глядя на темнеющее море. Оно уже утратило лазурную синеву, и неумолимо сливалось с фиолетовым небом. Чуть ближе, насколько хватало глаз, протянулась набережная. Днем она была незаметна и молчалива. Зато теперь там бурлила ночная жизнь: сверкали, вспыхивали всеми цветами рекламные огни, перекатывались волны музыки, вращались карусели и медленно, словно туман, поднимался сизый дымок мангалов.

Это уже вошло в его привычку: сидя на лоджии, он каждый вечер провожал солнце. В эти минуты он мысленно подводил итог минувшему дню. Заложенная природой периодичность смены дня и ночи помогала ему философски осмысливать неудачи и ошибки.

Но сегодня ему никак не удавалось подавить в себе легкое чувство тревоги. Нет, его не испугали эти беспомощные типы, больше похожие на клоунов. Ломать им челюсти, спускать с лестницы или топить в фонтанах Кирилл мог хоть каждый день. В качестве разминки перед тренировкой. Его тревожило другое: он не мог дать какого-либо объяснения их настойчивости. Он не мог понять, зачем, для какой цели они это делали?

Стемнело. Кирилл включил настольную лампу с зеленым

абажуром и положил на световое пятно помятую фотографию, которая выпала из кармана одного из «врачей». Снимок был весьма плохого качества, но себя на нем Кирилл все же узнал. Снято было давно, когда щеки у Кирилла были впалыми, волосы длинными, а взгляд отчаянно-отважный. Причем, это была плохая, мутная копия, неумело переснятая с оригинала, а затем увеличенная. Сколько Кирилл ни пялился на снимок, он никак не мог узнать, где это было сфотографировано. Задний план весь смазан, сплошное зелено-бурое пятно. А если судить по очертаниям лица…

Кирилл прошел в комнату, затем через холл в кладовку. Зажег свет, расставил стремянку и поднялся к самой верхней полке, на которой в потрепанных кожаных «дипломатах» хранились его архивы. Раскрыл первый попавшийся и стал копаться в бумагах и фотографиях.

Вот снимки, сделанные в Афгане в 1988 году. Селение Бану на входе в Панджшерское ущелье. Дивизионная операция. Прочесывание кишлака. Трофеи, взятые у «духов». Кирилл в тельняшке, перепоясанный пулеметной лентой, сидит верхом на стволе безоткатного орудия… Нет, здесь он коротко пострижен, на шее болтается дюралевая пластинка с личным номером. Форменные брюки, высокие шнурованные ботинки. На фотографии, изъятой у «врачей», такого атрибута нет. Значит, не Афган.

Он открыл другой «дипломат». Здесь фотографий побольше, и качеством лучше, но это уже период новейшей ис-

тории: работа в фирме по продаже автомобилей, презентации, пьянки, гулянки и бесконечная галерея женских портретов.

Кирилл просмотрел еще несколько чемоданов и коробок, но ничего интересного не нашел. Выпадал приличный кусок из его жизни. Семь лет назад Кирилл болтался по южноамериканской сельве, идя по следам дочери наркобарона Валери. Но тогда Кириллу было не до фотографирования.

Он аккуратно сложил все «дипломаты» и коробки на полку, проверил, не свалятся ли на голову, и вернулся на лоджию.

– Фрол, – сказал он в телефонную трубку. – С тобой ничего странного в эти дни не случилось?

Голос Фрола заглушала музыка, женские голоса и смех.

– Как ты сказал? – громко переспросил Фрол, перекрикивая фон. – Странного? Было, дружище!

– Что было? – стараясь исключить тревогу из голоса, уточнил Кирилл и переложил трубку на другое ухо.

– Я в пятницу к себе Таньку пригласил. Поляну накрыл, две бутылочки «Абрау» в холодильник закинул, и вдруг заявляется Верка. А я днем соврал ей, что еду в командировку. Представляешь? Только мы улеглись, Танька приперлась. Какая, спрашивается, сволочь на меня настучала?

– А больше ничего не случилось?

– Да с меня и этого довольно, дружище! Вся голова в шишках!

Кирилл снова взял в руки фотографию и стал ее рассматривать. Волосы длинные, выгоревшие почти до белизны. В Южной Америке он носил такие? Сейчас трудно вспомнить, но с уверенностью можно сказать, что с парикмахерскими в сельве напряженка. Да вот только как связать Южную Америку и двух замызганных неудачников с носилками и на битом «жигуленке»?

«Они обязательно объявятся снова», – подумал Кирилл.

Глава восьмая. Гостиница «Мерилин»

Использовать дельфина – это была идея Мэнгри, и потому Линчо с трудом представлял себе, как она осуществится на практике. Вдобавок, Мэнгри неожиданно стал покладистым, как хорошо выдрессированная собака. Он больше не посмеивался над Линчо, не проявлял инициативу и с блаженным видом выполнял все, что Линчо от него требовал.

– Надо нанять машину с большим багажником или фургоном, – сказал Линчо негру. – А еще лучше автобус.

– Нет проблем, – ответил Мэнгри, меняя кассету в плеере.

– Только не вызывай Юлю. Уже поздно. Она, наверное, спит.

– Как скажешь.

– И захвати с собой носилки.

– Разумеется.

– И хорошо бы выяснить, кто из портье сегодня дежурит.

– Запросто!

Давно бы так! Неуверенность таяла, и Линчо начинал верить, что все у него получится, что старик Августино останется доволен его работой. А там, глядишь, он подкинет ему деньжат, и Линчо сможет, наконец, выбраться из сельвы, перебраться на берег океана, купить дом и открыть хлебную

лавку. Предел мечтаний!

Когда Мэнгри вышел, Линчо расстегнул поясную сумочку и стал выкладывать на кровать тонкие стопки купюр. Деньги разлетаются, как голуби из-под колес машины. Естественно, весь этот спектакль с дельфинами стоит дорого. И все-таки, денег осталось меньше, чем должно было. Проклятый Мэнгри! Наверняка он ворует.

Линчо пересчитал деньги, отложил необходимую сумму, которую надо было заплатить за машину, и спрятал купюры в сумочку. Потом он надолго застрял у зеркала, рассматривая себя со всех сторон.

Побриться, что ли? Процедура противная, но ничего не попишешь. Местные мужчины ухоженные, как картинки. И рубашечка, и галстук, и прическа. Такие, наверное, Юле нравятся. А он, Линчо, на кого похож? Красная нейлоновая рубашка расстегнута до пупка, черные кудрявые волосы плавно переходят с груди на шею. Шея короткая, словно кувалдой ударили по голове, и она ушла в плечи. Нос широкий, привыкший к кулакам. На скуле косой шрам от ножа. Лоб узкий. В общем, красавец хоть куда. Неплохо бы рубашку для приличия постирать…

Линчо зашел в ванную, снял с себя рубашку и сунул ее под кран. Не успел он намылить воротник, как в прихожей хлопнула дверь. Линчо высунул голову из ванной и увидел незнакомую женщину с ярко накрашенным ртом и взъерошенными рыжими волосами.

– О! Кажется, я ошиблась номером! – на плохом английском сказала женщина и томно опустила безумно накрашенные глаза.

У Линчо мгновенно взыграли старые рефлексы. На какое-то мгновение он забыл про рубашку и Юлю.

– Ты не ошиблась, – заверил он, откровенно рассматривая рыжую путану, ее белые босоножки и розовые колготки. – Хочешь водки? Сигарету?

Он общался с ней так, как привык общаться с проститутками в Сан-Хосе. Манера поведения, этот своеобразный сценарий, отработанный в дешевых пивных Колумбии, на удивление легко проходил и здесь. Женщина, с трудом подавляя восторг по поводу того, что так быстро раскрутила клиента, прошла в комнату, села в кресло и с замахом закинула ногу на ногу.

– Откуда приехал, зайчик? – спросила она, нарочно выпячивая губы, чтобы они выглядели более пухлыми.

Вытирая руки полотенцем, Линчо пошел к столу, чтобы наполнить водкой стакан. Рыжая с интересом следила за его хромой походкой.

– Какая прелесть! – сказала она. – Обожаю хромых и потрепанных жизнью мужчин. Если ты поможешь мне материально, я сделаю тебя счастливым…

Линчо уже хотел раскрыть сумочку и достать доллары, как в дверь постучали. Он вернулся в прихожую и открыл дверь. На пороге стояла Юля. Она была в цветастом домашнем ха-

лате и тапочках. Глаза сонные. Руки обнимали плечи, словно ей было зябко после теплой постели.

– Извините, – произнесла она и мило улыбнулась. – Звонил Мэнгри…

Юля, эта чистая и непорочная девушка, застала его без рубашки и с проституткой в номере! Никогда еще Линчо не испытывал ничего подобного. Чтобы он, закоренелый холостяк, стыдливо прикрыл дверь перед обыкновенной гидессой! Чтобы потерял дар речи от волнения! Он сам себя не узнавал. Глупо улыбаясь и кивая, Линчо закрыл собой узкую щель между дверью и косяком.

– Я вас, наверное, подняла с постели? – спросила Юля. – Извините еще раз, но мне кажется, что это срочно. Мэнгри передал, что через час он будет ждать вас у ворот института.

Она повернулась и пошла в свой номер. Линчо закрыл дверь.

– Ты меня извини, – сказал он рыжей.

– Погоди, – перебила она его и помахала пальцем. Взяла стакан и выпила водку. Потом вынула из сумочки платочек и промокнула им губы. – Ничего страшного. Я еще приду.

Она ушла, а Линчо с яростью принялся стирать рубашку. Надо было нанять в качестве гида мужчину. Из-за этой девчонки Линчо просто перестает быть самим собой! Напрасно он пытается себя переделать. Работа в сельве ломает человека. Его душа огрубела, почернела и потрескалась.

Глава девятая. Институт ихтиофауны

Полная луна вставала над тихим морем. Ее холодный свет проложил на воде серебристую дорожку. Теплый ветер с шелестом пробирался сквозь веерные листья пальм. Цикады завели свои трещотки на полную мощь. Если бы у Линчо не было часов, он бы подумал, что наступила глубокая ночь.

Охранник, беспрерывно почесываясь, читал документы на вывоз дельфина и зевал. Днем он нашел бы к чему придраться, а сейчас, когда по телевизору уже прошли последние новости, ему хотелось только спать. К тому же, документы были выписаны на иностранцев, а с ними особенно не поговоришь. Он вернул документы Линчо и нажал кнопку на пульте.

Ворота медленно отъехали в сторону. «Газель» с квадратным фургоном въехала на территорию института, развернулась и стала потихоньку сдавать к ограждению бассейна. Ихтиолог уже ждал их у загона. Он был так же немногословен и печален. Ни слова не говоря, он взял у Мэнгри носилки, специально предназначенные для переноски дельфинов, и разложил их на коротком, облитом резиной пирсе.

– Не забывайте его поливать, – сказал он и рыбой стал выманивать дельфина из воды.

Вода всколыхнулась. В свете луны показалась аспидная голова с раскрытым клювом, полным мелких белых зубов. Дельфин весело приподнялся, ловко поймал рыбу и издал смешной резиновый звук. Линчо вдруг почувствовал, как грудь сдавил приступ жалости. Умное, доверчивое животное даже не догадывалось, какая страшная участь его ожидала. Жить ему осталось всего ничего. Потом его красивое и гладкое тело будет использовано в качестве контейнера для перевозки человека через пограничный контроль. Гениальная идея Мэнгри, чтоб он провалился!

Ихтиолог поднял руку с рыбой над головой, а затем отошел на шаг и положил рыбу на пирс. Дельфин, принимая игру, взмахнул хвостом, быстро набрал скорость и заскользил на брюхе по резиновой дорожке.

– Взялись! – скомандовал ихтиолог и сам взялся за хвост.

Линчо и Мэнгри достались плавники. Дельфин не проявлял никакого беспокойства и позволил перетащить себя на носилки. Ихтиолог позвал на помощь водителя «Газели». Тот с любопытством вышел из кабины, приблизился к носилкам, на которых тихо сопел дельфин, и покачал головой:

– Мебель таскал. Пианино таскал. Вагонку, брус, бетонные блоки… Но такую рыбину еще никогда не приходилось.

Они вчетвером подняли носилки и понесли их к машине. Мокрый брезент прогибался под тяжестью дельфина. Черные плавники беспомощно торчали в прорезях. С каждой минутой животное все дальше удалялось от моря.

В фургоне пахло соляркой и грязными тряпками. Мэнгри поскользнулся на жестяном полу и не удержал ручку. Носилки перекосились и краем ударились о пол.

– Ну и черт с ним! – проворчал Мэнгри. Он говорил по-испански и был уверен, что его никто, кроме Линчо, не поймет.

Водитель захлопнул двери фургона и сел за руль. Ихтиолог не стал провожать машину, повернулся и молча пошел куда-то в темноту. Охранник открыл ворота. «Газель» медленно вырулила с территории института.

Глава десятая.
Гостиница «Мерилин»

Линчо казалось, что его руки уже отрываются от страшной тяжести. Он стиснул зубы и, тяжело припадая на хромую ногу, стал подниматься по ступеням к входу. Мэнгри, этой двухметровой обезьяне, наверняка было легче, но даже он тихо постанывал за спиной Линчо.

Они внесли носилки с дельфином в фойе гостиницы. Животное, накрытое грязной промасленной тряпкой, лежало спокойно, будто притаилось, подыгрывая людям. Портье, который смотрел телевизор и изо всех сил боролся со сном, узнал экологов из Колумбии и кивнул им. Он даже не поинтересовался, что они пронесли к лифту. Экологам можно доверять. Они ничего дурного не сделают. За ними вырастают леса, реки наполняются рыбой, и рассасываются нефтяные пятна.

Линчо приблизился к лифту и надавил носом на кнопку вызова. Двери тотчас бесшумно раскрылись перед ним. Как только Линчо увидел зеркальную кабину, то ему сразу стало ясно, что носилки сюда не войдут.

– О, боже! – простонал он. – Придется тащить по лестнице.

Мэнгри ничего не ответил, лишь толкнул носилки вперед,

отчего Линчо едва устоял на ногах. И зачем он согласился осуществить эту бредовую идею! Ведь существует десятки разных способов нелегального пересечения границы! За те деньги, которые дал им Августино, можно было незаметно вывезти за границу весь институт ихтиофауны. При этом не мучить ни себя, ни несчастное животное.

– Пошевеливайся! – недовольным голосом проворчал Мэнгри.

Линчо чувствовал, что еще несколько ступенек – и он упадет вместе с дельфином. Его покалеченная нога невыносимо болела. Пальцы, сжимающие резиновые ручки, медленно разжимались. Соленый пот заливал лицо. Будь проклят Мэнгри! А ведь сначала Линчо восторгался этой идеей. Он думал, до чего же светлая голова у этого негра! Не даром служил в военно-морских силах США! Видимо, он уже когда-то отрабатывал этот прием, знает все его тонкости и нюансы.

Они поднялись на третий этаж. Осталось еще два. Чувствуя, что силы на исходе, Линчо осторожно опустил носилки на кафельный пол. Хорошо, что Юля спит и не видит этого кошмара. То, что она бы удивилась, – мягко сказано. Конечно, она обучена этикету, и не имеет права интересоваться деловыми вопросами колумбийских экологов. И все равно для Линчо было бы пыткой видеть ее недоуменные глаза, полные сострадания к красивому животному. И Линчо был бы вынужден лгать, что-то путано объяснять, глупо улыбаться и заверять, что дельфину будет очень хорошо в душном

номере на пятом этаже.

– Нет, я не понимаю русского джаза, – сказал Мэнгри, вытаскивая из плеера кассету и рассматривая ее со всех сторон, словно это была картинка или еще какая-нибудь декоративная поделка. – От этой музыки мне хочется скрипеть зубами и грызть провод.

Он без сожаления отправил кассету в урну и, доставая из нарукавного кармана пачку сигарет, как на скамейку сел на дельфина.

Линчо, несмотря на усталость, даже подпрыгнул и моментально вцепился в плечи Мэнгри.

– Слушай, Кинг-Конг, ты бы еще мне на голову сел!! – крикнул он.

– Какая разница, – равнодушно ответил Мэнгри.

– Встань, не порти экземпляр! – настаивал Линчо, изо всех сил сталкивая Мэнгри с дельфина. Мэнгри, словно играя, сопротивлялся. Животное вяло шевельнуло хвостом и с шумом выдохнуло воздух через отверстие на темени.

– Ты же ему кожу портишь! – с отчаянием крикнул Линчо и схватился за влажный подбородок Мэнгри.

Мэнгри лишь повернул голову, и рука Линчо сразу потеряла опору. Это было похоже на то, как кошка забавляется с мышью. Удовлетворившись своей властью, Мэнгри поднялся на ноги и взялся за носилки.

– Пошли!

Тяжело дыша, шатаясь, они, наконец, поднялись на свой

этаж. Мэнгри открыл дверь номера. Дверной проем оказался слишком узким, и носилки пришлось тащить волоком. Линчо сорвал тряпку, которой был накрыт дельфин. Ему показалось, что животное задыхается.

– В ванну его, быстрее! – крикнул он и, как это делал ихтиолог, схватил дельфина за хвост. Мэнгри сел на край ванны и стал тянуть на себя голову. Им было очень тяжело. Вдобавок, дельфин начал выгибать тело.

– Я его сейчас выроню! – сквозь сжатые зубы процедил Линчо.

Обхватив хвост, словно противника по борьбе, он отчаянно потянул его на себя, а потом повалился в ванную, увлекая дельфина за собой. Мэнгри не слишком себя утруждал, и вовсе не собирался надрываться. Он неминуемо уронил бы животное на пол, если бы Линчо не подтолкнул тяжелую голову коленями. Словно признав свое поражение, дельфин еще раз взмахнул хвостом и распластался на дне ванны. Эта емкость явно была ему тесновата: голова лежала на сливном отверстии, нос упирался в торец, а хвост, изогнувшись дугой, черным лепестком упирался в стену.

Мэнгри сплюнул и склонился над рукомойником, чтобы помыть руки. Но не успел он повернуть вентиль, как Линчо переключил воду на душ и принялся поливать дельфина из лейки.

– Пробку закрой! – крикнул он Мэнгри.

Тот скривил лицо, не понимая, почему Линчо так суетит-

ся над этой толстой селедкой. Все равно ее часы сочтены. Острый, как бритва, мачете уже приготовлен. Большие мусорные пакеты для внутренностей лежат на балконе. Осталось лишь всадить нож в сердце дельфина и дождаться, когда закончится агония.

Линчо с блаженным видом поливал дельфина и гладил его скользкую спину. Он не мог смотреть в глаза несчастного животного. Ему казалось, что дельфин все понимает, и его взгляд наполнен тихим укором, будто он хотел сказать: «Эх, вы! А я вам так верил!» Вскоре вода покрыла его полностью, не считая хвоста, который вообще не уместился в ванне. Тут раздалось шипение, и в потолок ударила струя фонтана.

– Дышит, – с облегчением вздохнул Линчо.

– Не раскисай, – произнес Мэнгри. – А то я подумаю, что тебе стало его жалко. Как будем его потрошить? С головы или с хвоста?

– Он должен сначала успокоиться! – крикнул Линчо.

– Когда разрежем брюхо, он быстро успокоится, – с жестокой иронией произнес Мэнгри.

– Я тебе разрежу! – вдруг вспылил Линчо и сжал кулаки. – Выйди вон! Я тут командую.

Лицо Мэнгри расплылось в улыбке.

– Ты меня забавляешь, – сказал он, но все-таки вышел из ванной.

Линчо закрыл вентиль и вдруг хлопнул себя по лбу.

– Черт! – крикнул он. – Вода ведь пресная!

Он зашел в комнату и стал ковылять по ней из угла в угол, отдергивая шторы, раскрывая дверцы шкафов и тумбочек.

– Что ты ищешь? – поинтересовался Мэнгри, постукивая пальцами по столу в такт музыке, которую слышал только он.

– У тебя случайно нет соли?

– Ты с ума сошел! Откуда у меня может быть соль?

– Тогда сбегай в магазин и купи!

– Тебе надо, ты и беги.

– Я не могу оставить тебя здесь одного. Я тебе не доверяю!

– Это твои проблемы.

– Если ты не будешь выполнять мои приказы, я сообщу об этом Августино.

Это была единственная угроза, на которую Мэнгри еще кое-как реагировал. Пока Августино был жив, он обладал колоссальной властью. И жизнь Мэнгри была в его руках.

– Придурок, – сказал Мэнгри. – Глухая ночь, все магазины давно закрыты. Где я найду соль?

Линчо задумался. Он прав, черт возьми! На набережной есть маленькие магазины, которые круглосуточно торговали выпивкой. Но только не солью.

– Придумал! – вдруг осенило его, и он кинулся тумбочке, на которой лежал гостевой рекламный буклет. Быстро полистал и ткнул пальцем в номер телефона. – Вот! Заказ еды в номер, круглосуточно. Сейчас нам принесут соль.

Он сел на кровать и стал накручивать диск телефона. Мэнгри, в свою очередь, покрутил пальцем у своего виска.

– Девушка, – сказал Линчо по-английски. – Ужин на двоих в пятьсот тринадцатый номер.

Девушка, ответившая из варочного цеха ресторана, английским, по-видимому, не владела. Она что-то коротко ответила, но связь не оборвала. Минут через пять Линчо услышал мужской голос: «What wish?»

Линчо повторил свое желание получить ужин на двоих, а когда из ванной донесся мощный шлепок недовольного пресной жизнью дельфина, добавил:

– Только срочно!!

Излишне бодрая для глубокой ночи официантка вскоре появилась в номере. Ослепительно улыбаясь, она вкатила в комнату тележку. Линчо тотчас сорвал салфетку и посмотрел на две сковородки с кипящей яичницей.

– А где соль?

– Айн момент! – улыбнулась девушка и выплыла из номера.

Вскоре она появилась с солонкой в руке. Линчо выхватил солонку и махнул на девушку рукой, чтобы она поскорее удалилась. Как только дверь за ней закрылась, он кинулся в ванную, открыл пробку в днище солонки и высыпал все содержимое в воду. Помешал рукой, чтобы соль быстрее растворилась, и попробовал воду на вкус. Не было даже намека на соль!

– Эй, мадам! – крикнул он, выскочив в коридор, и потряс солонкой над головой. – Мало! Принесите еще! И как можно

больше!

Официантка ничуть не удивилась просьбе. Она взяла солонку и заверила:

– Сделаем!

Мэнгри с аппетитом поедал яичницу. У Линчо еда вызывала отвращение. Он маялся в ожидании официантки, время от времени заглядывая в ванную.

– Не подох еще? – спросил Мэнгри, поднося ко рту вилку с дрожащим на ней желтком.

– Ты первым подохнешь! – крикнул Линчо и побагровел.

– Совсем спятил, – покачал головой Мэнгри.

Пришла официантка, принесла полную солонку.

– Странно, – сказала она. – Неужели повар забыл посолить яичницу?

Она только собралась выйти, как Линчо взял ее за плечо и протянул ей десять долларов.

– Пожалуйста, принесите целую пачку.

Официантка уже не улыбалась. Она смотрела круглыми глазами то на деньги, то на Линчо.

– У нас в Колумбии, – энергично жуя, сказал Мэнгри, – каждый человек съедает в день от одного до трех килограммов соли. Такова потребность организма. Что поделаешь, повышенная потливость!

Линчо нетерпеливо выпроводил официантку из номера. На этот раз она отсутствовала долго – наверное, за солью пришлось идти на продуктовый склад. Линчо встретил ее у

лифта, выхватил пачку с солью из рук и, раскрывая ее на ходу, побежал в номер. Официантка, провожая его взглядом, крестилась и пятилась к лифту.

На этот раз Линчо довел солевой состав воды в ванной до морской нормы. Кажется, дельфину стало легче, и он уже не шлепал хвостом по стене так агрессивно.

К этому времени Мэнгри умял обе порции яичницы, овощной салат и запил все это пивом. Поднявшись из-за стола, он раскрыл свою дорожную сумку, вынул оттуда мачете и расчехлил его.

– Приступим, – сказал он.

– Подожди, – хмуря брови, произнес Линчо. – Давай подумаем. Может, не стоит его убивать?

– Можно и не убивать, – согласился Мэнгри, пробуя остроту лезвия на ногте. – Но тогда надо будет заставить дельфина сожрать нашего клиента.

Линчо ничего не сказал, зашел в ванную и склонился над дельфином. Некоторое время он стоял перед ним в полной неподвижности, глядя на черную спину и едва шевелящиеся плавники.

– Смелее! – вдруг подал голос за его спиной Мэнгри и подал ему мачете.

Линчо не шелохнулся.

– Или тебе хочется завалить все дело? – с туманной угрозой произнес Мэнгри. – Ты хочешь получить пулю в лоб? Разве тебе не известно, как Августино наказывает тех, кто

не справляется с его поручениями?

Линчо прекрасно знал, что эти люди долго не жили. Одни бесследно исчезали в сельве. Другие погибали в автокатастрофах при странных обстоятельствах. Обезглавленные трупы третьих находили на железнодорожных путях. Четвертые зачем-то прыгали с крыш домов. Пятые зачем-то выпивали два литра водки и засыпали вечным сном.

Эта простая истина заставила его несколько иначе взглянуть на дельфина. Несчастное животное даже не догадывалось о том, что стало гирькой на чаше весов Линчо, на одной тарелке которой была жизнь, а на другой смерть.

– Ну, так как? – бархатистым голосом произнес Мэнгри и нежно коснулся своей липкой щекой щеки Линчо.

Линчо оттолкнул от себя начальника охраны и выхватил из его руки мачете.

– Справишься? – усмехнулся Мэнгри.

– Вошел вон! – скрипнув зубами, ответил Линчо.

Он склонился над ванной, нерешительно приподняв мачете. В горле у него застрял комок. Дельфин чуть качнул плавником, раздался всплеск. Клюв животного стукнулся в ванну, затем приоткрылся, обнажая чистый «резиновый» рот.

«Жрать хочешь? – с состраданием подумал Линчо. – А я даже не догадался прихватить рыбы».

– По-моему, он не достаточно длинный, – произнес он, словно подумал вслух.

– Это тебе так кажется, – заверил Мэнгри, с нетерпением ожидая кровавой развязки. – Потому что он не умещается в ванну.

– Ничего мне не кажется, – ответил Линчо, чувствуя, как упрямство перерастает в твердое убеждение. – У тебя была рулетка. Ну-ка, неси ее сюда!

Мэнгри вышел и вернулся с рулеткой. Линчо вытянул линейку и приложил ее к дельфину.

– Конечно! – воскликнул он. – Всего метр пятьдесят! А Вацура почти с тебя ростом!

– Натянем как-нибудь, – махнул рукой Мэнгри.

– Да это же не презерватив, чтобы его натягивать! Это животное!

Мэнгри начал нервничать. Он почувствовал, что Линчо будет твердо стоять на своем и, не дай бог, вообще откажется от этой заведомо бредовой идеи.

– Проделаем дырки для ног, – предложил он, – наденем на ноги ласты. Скажем, выловили мутанта.

Он разговаривал с Линчо как с идиотом. До сих пор это проходило, и Линчо верил в самую откровенную чушь.

– Нет, никаких мутантов не будет, – необыкновенно решительно возразил Линчо, покусывая от волнения губы. – Я сейчас разбужу Юлю, пусть она звонит в институт и просит, чтобы вместо этого нам выловили двухметрового.

– Может, тебе еще касатку выловить? Или тигровую акулу? – злобно спросил Мэнгри.

– Тут я командую!

– Да ради бога! – пожал плечами Мэнгри. – Только как бы потом тебе не пришлось горько жалеть об этом.

Линчо сунул мачете за пояс, погасил свет в ванной и вышел из номера.

Мэнгри вернулся в кресло и призадумался. Ничего страшного еще не произошло. Пусть дурак проявляет инициативу. Все равно он провалит всю операцию, и старик Августино окончательно убедится, что более надежного человека, чем Мэнгри, у него нет.

Он только сорвал с пивной бутылки пробку, как в дверь негромко постучали. Уверенный, что это Линчо и Юля, Мэнгри крикнул:

– Заходите, не стесняйтесь!

Дверь отворилась, и к удивлению Мэнгри в комнату вошла огненно-ражая женщина в ужасных розовых колготках.

– Он еще не спит? – спросила она на ломанном английском.

– Кто? – не сразу понял Мэнгри.

– Ваш друг, – с придыхом ответила рыжая, и в истоме прикрыла бесстыжие глаза. – У него такая обаятельная походка! Он такой горячий.

– В ванне отмокает, – ответил Мэнгри, делая глоток из бутылки. – Только не зажигай свет, он стесняется своей ноги.

– О! – воскликнула рыжая, скидывая туфли. – Я понимаю… Какие могут быть комплексы?.. Он же просто чудо!

Демонстрируя полное отсутствие комплексов, рыжая стащила через голову платье, кинула его на стул и на цыпочках приблизилась к ванной.

– Милый! – заигрывающим голосом произнесла она. – Ты меня ждешь?

Мэнгри с интересом смотрел, как путана зашла в ванную и прикрыла за собой дверь. Он успел сделать еще два или три глотка до того, как рыжая с душераздирающим воплем вылетела из ванной, кинулась на входную дверь и, распахнув ее своим тренированным телом, вывалилась в коридор.

Еще несколько мгновений из коридора доносился топот ее ног и сдавленные вопли.

Глава одиннадцатая. Рынок. Начало торгового дня

Алхаз помочился на колесо «ЗИЛа» и, на ходу застегивая ширинку, направился в фургон. Ваха с заплывшим сиреневым глазом уже перевернул пустой ящик, накрыл его газетой и теперь расставлял стаканы и резал хлеб. Несмотря на испепеляющую жару, печка-буржуйка была разогрета почти докрасна. Стоящий на ней закопченный чайник урчал и исходил паром. Чувствуя, что вот-вот потеряет сознание от нестерпимой жары и духоты, Алхаз кинул тяжелую сумку на пол и расстегнул черную кожаную куртку. Правда, снимать ее он не стал – без нее он чувствовал себя голым. Плеснул себе немного чая, пригубил стакан и поморщился от боли. Разбитые губы все еще болели.

Ваха молчал, что скажет Алхаз. Кидая на Алхаза жалостливые взгляды, он положил на стол несколько помидоров, наковырял в жестяной банке щепотку соли и высыпал ее на газету. Алхаз уже не мог спокойно смотреть на помидоры. Они напоминали ему его губы. Он взял кусок белого хлеба, вырвал из него мякоть и, скатывая из нее шарики, стал методично отправлять их в рот.

– Этот человек монголу очень нужен, – сказал он, наполняя стаканы крепким чаем. – И монгол готов платить за

него огромные деньги. Такой шанс упускать нельзя. Когда мы привезем Вацуру, надо будет выторговать еще пять тысяч.

Ваха исподлобья взглянул на Алхаза и, обжигаясь чаем, спросил:

– А ты уверен, что мы сможем его привезти?

Алхаз придвинул к себе сумку, раскрыл молнию и с многозначительным видом стал выкладывать из нее разные предметы.

– Это мне дал Гюндуз, – сказал он, бережно опуская на пол монтировку. Затем в его руках появилась тонкая стальная проволока, связанная в виде удавки. – Это дал Абдул…

Глаза Вахи медленно наполнялись ужасом. Он смотрел на руки Алхаза и давился кипятком.

– Это подарок Рафика… Это от Сардала… Это я выменял у Зайтмирзы… Это у Салауддина…

На полу вырастала горка из заточек, ножей, кастетов, дубинок, остро отточенных лезвий, замаскированных под монеты.

– Мы его запугаем, понял? – подвел итог Алхаз и принялся складывать весь арсенал обратно в сумку.

– Послушай, – произнес Ваха, нервно катая помидор по газете. – Он не испугался газового пистолета. А на эти игрушки он даже не обратит внимания. Бороться с ним бесполезно. Взять его можно только хитростью.

Алхаз с сожалением вздохнул.

– Хитростью, – повторил он. – Что я могу? Могу положить на весы полкило мандаринов, а стрелка покажет килограмм. Могу сделать, чтобы цветы выглядели свежими, а через час они завянут. Могу подсунуть пустые орехи. Могу продать толченые кирпичи под видом специй. Могу так вымочить шашлык, что никто не почувствует, как он воняет. Могу так заморозить рыбу, что она будет весить в три раза больше…

– Это все могут, – махнул рукой Ваха. – На это большого ума не надо. А я знаю, как его выманить из своего офиса и, пальцем его не трогая, доставить монголу.

– Не трогая пальцем? – не поверил Алхаз, но по его разбитым губам было заметно, что он был бы рад не трогать Вацуру.

– Но для этого надо, чтобы ты попросил у директора рынка эвакуатор, на котором мусор вывозят, а у Насухана – его «мерседес».

– Попробую, – неуверенно произнес Алхаз. – Но директор вряд ли даст.

– Он же твой родственник!

– Да у меня полрынка родственники, – вздохнул Алхаз, – а жена никак не может крышу в доме отремонтировать.

Глава двенадцатая. Гостиница «Мерилин». Утро

Линчо сидел на краю ванны, с тоской глядя на дельфина. Работники института отказались транспортировать его назад, к морю, бесплатно. Они сказали, что любая перевозка морских животных проходит по какой-то особой смете, которая включает в себя стоимость самого животного и затраты на отлов. Получалось, что экстрадиция дельфина в море обойдется Линчо в такую же сумму, которую он уже отвалил за него.

Рассвело. За окном пронзительно защебетали воробьи. По стенам и потолку паслись солнечные зайчики. Пчела, залетевшая в номер в поисках сладкого, карабкалась по тюли, словно матрос по вантам. Высокий тополь шелестел листьями на легком ветру и гладил мягкой веткой поручень балкона. Всюду жизнь! Только Мэнгри перестал храпеть и, накрывшись простыней с головой, напоминал покойника в саване.

Линчо вернулся в ванную и посмотрел на узника. Казалось, дельфин спал. Его глаза, наполненные непередаваемой тоской, были раскрыты, и клюв едва заметно двигался из стороны в сторону. Казалось, что дельфин никак не может поверить, что мир для него сузился до размеров этой ванны,

а стремительный полет в чистом море, где, как в небе, пространство безгранично, и манящая глубина, и прыжки в воздух, и игры с сородичами навсегда остались в прошлом.

Не в силах смотреть на муки животного, Линчо вернулся в комнату.

– Хватит вздыхать, – проворчал Мэнгри, переворачиваясь на другой бок. – Я посплю немножко, потом расчленю его, и по кускам вынесу в мусорные баки…

Он снова затих. «Я скорее тебя самого расчленю!» – подумал Линчо и решительно вернулся в ванную. Он сорвал с крючков полиэтиленовую шторку и принялся просовывать ее край под дельфина. Ему показалось, что дельфин, понимая, что от него требуется, втянул брюшко и приподнял плавники. Линчо разровнял шторку и связал попарно углы. Дельфин оказался в мешке. Поплевав на руки, Линчо присел, закинул концы мешка на плечи и, поднатужившись, выпрямился. Ничего, терпеть можно. Главное, что поднял, а спускаться по лестнице будет проще.

Раскрасневшись, Линчо вышел из номера и поковылял по коридору. Когда он дошел до лестницы, то почувствовал, что от напряжения сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Вниз идти было немного легче, но на поворотах дельфин задевал хвостом стены, срывая макраме и горшки с цветами. Когда Линчо спустился в вестибюль, он хромал уже на обе ноги, а его шею обвивала вырванная с корнем декоративная лиана. В довершение всего мешок стал тянуться и, в конце концов,

оборвался. Линчо едва успел сесть на сверкающий полированный кафель, чтобы смягчить падение дельфина.

Портье не проявил особого удивления. Он с умилением смотрел на дельфина, словно на собаку редкой породы.

– Умаялся, бедненький, – ласковым голосом сказал он, нависая над дельфином. – Рыбки хочешь?

Линчо поднялся на ноги и, пошатываясь, ухватился за дельфиний хвост. Он попытался тащить его волоком по зеркально-гладкому полу, но кожа дельфина уже успела высохнуть, и тормозила, как ластик по бумаге.

Чем больше на пути у Линчо возникало препятствий, тем с большим рвением он искал пути их преодоления. Оттолкнув портье, Линчо решительно направился к двери, ведущей в ресторан. Не обращая внимания на вопросительные взгляды уборщиков, он прошел в варочный цех и приблизился к повару, который стоял у раскаленной плиты и щедро лил растительное масло в казан. Ни слова не говоря, Линчо с решительным видом выхватил бутылку из руки повара и вышел из кухни.

В вестибюле уже никого не было, кроме одиноко лежащего на полу дельфина. Портье стоял на улице перед лестницей, встречая такси. Не раздумывая, Линчо стал выливать масло на пол, смазывая кафель. Когда он снова ухватился за хвост, автоматические двери бесшумно раскрылись перед солидной дамой в белом костюме и огромной белой шляпе. Она с гордым видом цокала каблуками и безостановочно чи-

рикала:

– Милый, здесь просто очаровательно! А какая роскошная зала! А какие диваны! Я обожаю ретро!

«Милый», согнувшись под тяжестью чемоданов и под бременем долгой супружеской жизни, семенил за ней. По-видимому, ретро его мало интересовало. Съехавший на бок галстук и покрывшаяся крупными каплями пота розовая лысина красноречиво говорили о том, что более всего этот человек интересуется тишиной и пивом.

– Ты обрати внимание на эти бра с красными абажурами! – продолжала щебетать дама. – У моей мамочки были такие же!.. Ой, какая прелесть! Дельфинчик! Ну, прямо как настоящий! Как чудненько!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.